Монополии и иностранный капитал в России. М.–Л., 1962.

10. Российский государственный исторический архив. Ф. 23. Оп. 24. Д. 665.

11. Терская жизнь. 1914. № 15.

12. Шапсович М.С. Весь Кавказ. Баку, 1914.

* * *

1. Ahmadov Sh.B. Obshhestvenno-politicheskij stroj chechencev v XVIII veke. Groznyj, 2012.

2. Groznenskij torgovo-promyshlennyj bjulleten'. 1903. Vyp. 48.

3. Dzhafarov K.I., Gareev T.B. Ocherki istorii neftjanyh promyslov Severnogo Kavkaza. Ufa, 1998.

4. Kafengauz L.B. Jevoljucija promyshlennogo proizvodstva Rossii (poslednjaja tret' XIX v. – 30-e gody XX v.). M., 1994.

5. Kolosov L.N. Vozniknovenie groznenskoj neftjanoj promyshlennosti (1893–1903 gg.). M., 1953.

6. Neft' i gaz Chechni i Ingushetii: k 100-letiju Groznenskoj neftja¬noj promyshlennosti. 1893–1993. M., 1993.

7. Obzor bakinskoj neftjanoj promyshlennosti za 1899 god. Baku, 1900.

8. Otchet Kavkazskogo gornogo upravlenija za 1889. Tiflis, 1890.

9. Potolov S.I. Nachalo monopolizacii Groznenskoj neftjanoj promyshlennosti (1893–1903) // Monopolii i inostrannyj kapital v Rossii. M.–L., 1962.

10. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. F. 23. Op. 24. D. 665.

11. Terskaja zhizn'. 1914. № 15.

12. Shapsovich M.S. Ves' Kavkaz. Baku, 1914.

Establishment and development of the oil industry in the Terek region in the late XIX – early XX centuries

The article deals with the establishment and development of the oil industry on the Grozny oil fields. The attention is paid to the organizational role of I.A. Akhverdov who made outstanding contributions to the technical development of oil production in Priterechye. The author notes the dominance of Moscow, St. Petersburg and foreign capital in the oil industry. The article gives the information about the rapid growth of oil production in the Grozny region.

Key words: *Terek region, oil industry, Grozny, Akhverdov, Vladikavkaz railway, capital.*

(Статья поступила в редакцию 07.02.2018)

Е.С. СИМОНЕНКО
(Уссурийск)

ОФИЦЕРСКИЙ И ЛИЧНЫЙ СОСТАВ ПЕРВОЙ КАНАДСКОЙ ДИВИЗИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Представлено логическое продолжение работы, посвященной исследованию процесса мобилизации первого канадского добровольческого контингента для участия в Первой мировой войне. Исследуется офицерский и личный состав Первой канадской дивизии по происхождению, социальной и профессиональной принадлежности, а также медицинским критериям годности.

Ключевые слова: *история Канады, Первая мировая война, Первая канадская дивизия, добровольцы.*

5 августа 1914 г., присоединившись к британской декларации об объявлении войны, Канада вступила в Первую мировую войну. Процесс мобилизации Первой канадской дивизии для заграничной службы на европейском континенте шел стремительными темпами. Она была сформирована и отправлена на европейский театр военных действий в первые семьдесят дней войны.

Офицерский и личный состав первого канадского добровольческого формирования оказался достаточно предсказуемым. С самого начала вербовочной кампании естественный интерес к поступлению на службу проявили британские подданные, родившиеся в Соединенном Королевстве, но постоянно проживающие в Канаде, а также лица, родившиеся в североамериканском доминионе от родителей британского происхождения в первом и последующих поколениях. Наконец, среди добровольцев можно было встретить британских подданных французского происхождения из Квебека и других провинций, родившихся в Канаде [7, p. 268].

По официальной статистике, первый канадский контингент состоял на 64 % из выходцев с британских островов, 25,3 % канадцев, 3,7 % франкоканадцев, 7 % иммигрантов из других стран, постоянно проживающих в Канаде [10, p. 16]. Между тем в канадской прессе данные о количестве добровольцев канадского происхождения разнились. Так, в «Монре-

© Симоненко Е.С., 2018

аль Стар» сообщалось, что в канадской дивизии, отправляемой на службу за границу, было всего 20 % канадцев (Montreal Star, August 10th, 1914) (цит. по: [8, p. 170]), а «Торонто Стар» подсчитала, что в первом контингенте солдат канадского происхождения было вдвое больше (Toronto Star, September 16th, 1914) (цит. по: [8, p. 170]). Несколько торонтских газет опубликовали полные списки добровольцев, из которых следовало, что один канадец приходился на 6–8 англичан, шотландцев и ирландцев. «Торонто Глоб» объявила, что из двух тысяч офицеров, собирающихся отправиться добровольцами на фронт, три четверти были канадцами (Toronto Globe, September 12th, 1914) (цит. по: [8, p. 170]).

На вербовочных пунктах можно было встретить людей, занятых в мирное время в самых разных сферах жизни: безбородых юношей и людей преклонного возраста, фермерских детей и промышленных рабочих, адвокатов и горняков, рыбаков и чернорабочих. На призывные пункты шли выходцы из крупных городов, приграничных поселений, деревень и мелких провинциальных городков со всех без исключения канадских провинций [6, p. 13]. Несмотря на такой пестрый состав новобранцев, почти две трети из них имели британское происхождение и говорили на английском языке. Они верили в Британскую империю и чувствовали потребность защищать «землю своего рождения». В то же самое время добровольцы, имеющие канадское происхождение, думали как британцы и ощущали себя частью британской армии. Такими чувствами были полны солдатские письма домой в первые два года войны. Впоследствии в канадских батальонах даже имели место случаи, когда раненные офицеры, признанные негодными к военной службе, с легкостью заменялись их британскими коллегами. Никто не видел в этом ничего странного [13, p. 29–30].

Половина добровольцев первой волны были выходцами из Западной Канады, где проживали преимущественно вчерашние иммигранты. Одну треть составили добровольцы из Онтарио, где был высокий уровень безработицы. Из сорока восьми стрелковых рот только одна была франкоговорящей (4-я рота 14-го батальона), т. к. в первую волну набора на службу поступило менее 1 тыс. канадцев французского происхождения [Ibid., p. 30].

Большую часть состава Первой канадской дивизии формировали ветераны, в свое время служившие в Индии, Южной Африке и в других частях империи. Так, по свидетельству рядового Вика Льюиса, в первой дивизии было «по крайней мере, 40 % южноафриканских ветеранов» [13, p. 32]. Командующим Первой канадской дивизией был назначен участник Англо-бурской войны британский генерал Эдвин Элдерсон. Многие командующие канадскими батальонами также имели опыт службы в Южной Африке. В целом по статистике из 106 канадских генералов, участвовавших в «великой войне», по крайней мере, 34 были ветеранами Англо-бурской войны. Из них трое оставили воспоминания о том, как они сражались с бурами [Ibid.]. С одной стороны, присутствие опытных в прошлом солдат давало канадским батальонам определенное преимущество. С другой стороны, многим из них было сложно вновь окунаться в военную жизнь, т. к. многие из них были людьми довольно преклонного возраста. Работу по формированию первого контингента также взяли на себя канадцы, которые находились на действительной службе в канадской милиции либо имели к ней отношение в молодости. Очевидцы вспоминали, что милиционеры и ветераны, сопровождаемые звуком сигнальных труб и барабанным боем, маршировали по улицам городов, пытаясь таким образом стимулировать военный дух населения [11, p. 271].

Сторонники имперской интеграции принимали стремление рядовых канадцев поступать на службу в заграничную дивизию за проявление имперского патриотизма. Однако при более пристальном изучении мотивов большинства добровольцев заметны утилитарные стремления. Так, в условиях экономической депрессии многие мужчины потеряли работу и поступление на службу рассматривали в качестве единственной возможности избежать голодной смерти. По статистике, в 1914 г. в Канаде каждый из шести рабочих не имел работы, следовательно, никакого дохода. Жены добровольцев понимали, что, возможно, они отправляют своих мужей на верную смерть, но давали им разрешение поступать на службу в надежде прокормить себя и своих детей. Бывали случаи, хотя и весьма немногочисленные, когда мужчины рассматривали поступление на службу как хорошую возможность для развода с женой [12, p. 111]. Некоторые добровольцы британского происхождения видели в поступлении на службу и отъезде в Европу возможность совершить бесплатное путешествие на родину. Для холостых мужчин, стремившихся сбежать от монотонной ежедневной рутины или оставшихся в результате экономической депрессии безработными, зар-

плата в размере одного доллара и десяти центов в день [12, p. 110–111], которые платил рядовым солдатам департамент милиции, была очень привлекательна. Для сравнения: жалование рядового было чуть меньше зарплаты младшего клерка или неквалифицированного рабочего, но немногим больше заработка наемного работника фермы [4, p. 38].

Для обычных граждан североамериканского доминиона служба в армии казалась очень привлекательной. Были известны случаи, когда одни добровольцы на вербовочных пунктах умышленно завышали свой возраст, чтобы поступить на службу, другие уговаривали медицинский персонал признать их годными по состоянию здоровья. Так, рядовой Г. Бойд из 8-го (90-го ружейного) батальона вспоминал, что его забраковали на вербовочном пункте из-за слабого зрения. Будучи знаком с сержантом, служащим в канцелярии подразделения, он отправился к нему с предложением купить бутылку вина взамен того, что он поставит в его бумагах штамп «годен». Так он оказался в действующей армии. Рядовой Н. Николсон из 16-го канадского (шотландского) батальона вспоминал, что видел, как мужчины плакали, когда их признавали негодными к военной службе по состоянию здоровья или по возрасту [6, p. 12]. Были известны случаи, когда на службу поступали целыми семьями. В первой волне набора оказались отпрыски известнейших канадских фамилий Тальбот Папино, Уинфрид Сифтон, Гарнет Хьюз, Виктор Бродер и др.

Тем не менее уже тогда стали проявляться признаки кризиса добровольной системы набора в армию. По всеобщей переписи населения 1911 г., в Канаде проживало примерно 1 млн 700 тыс. чел. призывного возраста [1, p. 4]. «Если бы система добровольного набора была эффективной, – писало специализированное издание «Канадиен Милитари Газетт», – несколько сотен тысяч добровольцев должны были осаждать призывные пункты. Если бы в Канаде существовала система универсальной военной подготовки, что страна могла свободно отправить на фронт 500 тыс. человек. Вместо этого, в доминионе находятся всего несколько тысяч человек, служивших в регулярной милиции, и несколько десятков тысяч в резерве. При этом большинство подготовленных в военном отношении жителей Канады британского происхождения» (Canadian Military Gazette, September 22nd, 1914) (цит. по: [8, p. 196]). Эстафету специализированного столичного издания подхватили провинциальные газеты, требуя, чтобы на фронт было отправлено не меньше 250 тыс. чел. [2, p. 4].

10 августа премьер-министр Борден передал на утверждение Тайного совета инструкцию, касавшуюся освобождения от службы в вооруженных силах чиновников, находившихся на государственной службе. Причиной разработки такого документа стало стремление большого количества государственных служащих различных департаментов правительства, зачисленных в корпуса регулярной милиции, получить освобождение от службы как за границей, так и в пределах Канады. С одной стороны, различные государственные учреждения и ведомства испытывали потребность в достаточном количестве опытных и квалифицированных служащих. С другой стороны, министр признал невозможным удовлетворить все ходатайства такого рода. Он предложил следующую схему решения проблемы. Любой чиновник, зачисленный в действующую милицию, независимо от должностного положения имел право с согласия министра милиции обратиться к руководителю своего департамента с ходатайством. В нем он должен был обосновать необходимость оставления его на работе. В этой же инструкции содержалась норма, в соответствии с которой государственные служащие, зачисленные в вооруженные силы, имели право получать свое прежнее жалование. Деньги выплачивались членам семей или иждивенцам, находящимся на попечении [5, p. 29]. Как видно, зачисление на военную службу чиновников нередко осуществлялось под принуждением, что не соответствовало принципу добровольности, на который постоянно ссылалось канадское правительство.

Следует отметить, что не все добровольцы, желавшие отправиться на фронт, смогли это сделать. По статистике, в августе – сентябре 1914 г. в военно-тренировочном лагере Валкартье по медицинским причинам были отбракованы более 5 тыс. чел. [3, p. 1]. Подбор кандидатов для службы в канадских экспедиционных силах был многоступенчатым. Первичный отбор начинался на улицах канадских городов, задолго до того как кандидат для поступления на службу попадал на медицинский осмотр. Затем офицеры-вербовщики осуществляли отбор добровольцев, руководствуясь их визуальным осмотром. Важным фактором при осмотре считалась этническая принадлежность. Например, канадцы африканского или азиатского происхождения были очень немногочисленны, но даже если они обращались в пункт набора добровольцев с намерением

поступить на службу, им всегда отказывали. Языковая принадлежность (а точнее, неумение говорить на английском языке) также являлась причиной для отказа в поступлении на службу. Так, 21-летний канадец французского происхождения был отбракован в Валкартье в 1914 г. только на том основании, что не мог говорить и читать на английском языке [3, p. 38].

После визуального отбора добровольцу предстояло пройти несколько медицинских осмотров. Новобранцы Первой канадской дивизии проходили три или четыре медицинских освидетельствования. Первый (обычно поверхностный) осмотр проводил санитарный инспектор того воинского подразделения, куда добровольца отправляли служить. Второй раз новобранец проходил обследование в военно-тренировочном лагере Валкартье, наконец, третье – после прибытия в Англию. Кроме того, большинство солдат подвергались медицинскому освидетельствованию накануне отбытия на фронт [Ibid., p. 40].

Врачи, проводившие освидетельствование добровольцев первого контингента, руководствовались 66-страничным буклетом под названием «Инструкция для канадской медицинской службы», принятым департаментом милиции еще в 1910 г. В этом документе содержался перечень обязанностей для врачей воинских подразделений, а также методика врачебного осмотра рекрутов. В соответствии со своими должностными обязанностями, военный врач, ставя в аттестационные бумаги добровольца штамп «годен», гарантировал, что тот имеет нормальное зрение, слух и речь, широкую грудную клетку, здоровые зубы, не носит вставную челюсть, что у него имеются в наличии все конечности и отсутствуют уродства. Кроме того, что он ни в прошлом, ни в настоящем не страдал кожными инфекциями, грыжей, варикозным расширением вен и т. д. [14, p. 26].

Последнее условие для поступления на службу, которое, впрочем, в инструкции подробно не расшифровывалось, было сформулировано так: доброволец должен иметь «вид умного и здравомыслящего человека» [Ibid., p. 26]. На практике это условие становилось основанием для отказа (например, если кандидат являлся неблагонадежной личностью или нарушителем спокойствия). Неблагонадежными считались новобранцы, которые распивали спиртные напитки, а также те, которые доставляли алкоголь в лагерь и занимались его распространением. По этому основанию также могли уволить тех, кто после поступления на службу не смог адаптироваться в армии. Так, нередки были случаи, когда добровольцы в процессе обучения в военно-тренировочном лагере начинали сильно скучать по дому. Их присутствие становилось нежелательным, т. к. подавленное психологическое состояние могло негативным образом повлиять на других солдат. Поэтому таких людей старались как можно скорее уволить со службы, руководствуясь тем самым последним основанием.

Не менее важную проблему породило распоряжение Хьюза от 8 августа 1914 г., согласно которому каждый пехотный батальон должен был отправить в военно-тренировочный лагерь Валкартье от одной (110 чел.) до двух (250 чел.) рот добровольцев [13, p. 21]. Министр распределял роты добровольцев в подразделения, пронумерованные произвольным образом. Это распоряжение разрушило создававшийся годами «батальонный дух», а также территориальную структуру канадской милиции. Такую «неосмотрительность» критики объясняли тем, что знания министра о военной системе организации были весьма незначительны [Ibid., p. 23]. Он был политиком, а не солдатом, не понимая, до какой степени солдаты ассоциируют себя со своим воинским подразделением, насколько для них важна кокарда, которую они гордо носили как символ принадлежности к своему батальону. Таким образом, его решение создать новые батальоны оказалось чрезвычайно непопулярным [Ibid., p. 27–28]. Канадским офицерам пришлось затратить огромные усилия, чтобы сформировать из рот добровольцев, прибывавших из разных батальонных соединений, что-то наподобие боеспособной экспедиционной армии. «Сиротские» батальоны Хьюза вызывали у профессиональных военных чувство отвращения [Ibid., p. 23].

В сентябре 1914 г. офицеры и солдаты Первой канадской дивизии стали носить на плече нашивку в виде лоскута красной ткани (Red patch). Он должен был выполнять функцию опознавательного знака, по которому канадских добровольцев можно было узнать среди солдат союзной британской армии. Этот знак отличия был особой привилегией и символом гордости первого состава добровольцев. Впоследствии служащие Первой канадской дивизии офицеры и солдаты признавались, что в том числе благодаря этим нашивкам они испытывали необъяснимое чувство родства друг к другу. Этим ощущением принадлежности к одной семье, хотя и очень большой, во многом объяснялся тот успех, который сопрово-

ждал дивизию на полях сражений [13, p. 5]. К середине 1916 г. солдаты и офицеры дивизии получили право носить еще один знак отличия – кокарду на фуражке, указывающую на принадлежность к конкретному батальону.

21 сентября 1914 г. премьер и другие министры посетили военную базу Валкартье, чтобы участвовать в церемонии официального прощания с отрядами. На следующий день первый канадский контингент был погружен в Квебеке на суда и отправлен вниз по Св. Лаврентию в залив, где их ожидал конвой из 32 британских кораблей, специально предназначенных для их транспортировки в Англию. Наконец, 3 октября, потратив 20 млн долларов на обучение и экипировку солдат, правительство отправило первый контингент численностью 32 тыс. 665 чел. [15, p. 178] по реке Св. Лаврентий в море, откуда броненосные корабли британского флота конвоировали их до английских берегов. На каждом транспорте, отправленном из Квебека, было зачитано обращение герцога Коннаутского, в котором генерал-губернатор поздравил офицеров и солдат с тем, что им выпала честь защищать честь британской короны и империи в целом.

Первый канадский контингент состоял из одной пехотной дивизии и одной кавалерийской бригады [9, p. 1]. Вместе с ним доминион направил в Арсенал в Вулвич большие запасы материально-технических средств, в том числе артиллерию и вооружение, экипировку и обмундирование для солдат и офицеров, обувь и продовольствие. В плавание также отправилось 7,5 тыс. лошадей, большое количество фуража, повозки, упряжь и седельное снаряжение. Для транспортировки запасов потребовалось сто специальных вагонов и тридцать два парохода. Спустя ровно 71 день после объявления войны первый канадский контингент высадился в порту английского города Плимут [16, p. 359].

Это событие произошло 14 октября, а на следующий день войска высадились на сушу, о чем лорд Китченер получил специальное уведомление. Высадка канадских войск должна была состояться в Соусэшптоне (некоторые печатные издания называли Бристоль и Ливерпуль), но помешала угроза со стороны немецких субмарин. День спустя первый лорд Адмиралтейства У. Черчилль отправил канадскому правительству депешу следующего содержания: «Канада отправила свою помощь в нужный момент» [8, p. 205–206]. 4 ноября английский король и королева в сопровождении лорда Китченера, лорда Робертса, Перли посетили военный лагерь, где находились канадцы. Наконец, после трех месяцев обучения в феврале 1915 г. Первая канадская дивизия отправилась на фронт

Список литературы

1. Canada Has The // The Bassano Mail. November 26th. 1914.
2. Canadian Contingents // The Bassano Mail. August 13th. 1914.
3. Clarke N. J. Unwanted Warriors: The Rejected Volunteers of the Canadian ExPeditionary Force, Thesis submitted to Faculty of Graduate and Postdoctoral Studies in Partial fulfillment of the requirements for Ph.D. degree in History, Ottawa: University of Ottawa, 2009.
4. Copp T. The Military Effort, 1914–1918 / Canada and the First World War: Essays in Honor of Robert Craig Brown / Ed. by D.C. Mackenzie. Toronto: University of Toronto Press, 2005. P. 35–61.
5. Documents Relative to the European War Comprising Orders in Council, Cablegrams, Correspondence, and Speeches Delivered in Imperial House of Commons. Vol. 1. Ottawa: J. de L. Tache Kings Printer, 1914.
6. Freeman B., Nielsen R. Far from Home: Canadians in the First World War. Whitby: McGraw-Hill Ryerson, 1999.
7. Hopkins J.C. Canada at War: a Record of Heroism and Achievement, 1914–1918. Toronto: Canadian Annual Review, 1919.
8. Hopkins J.C. The Canadian Annual Review of Public Affair, War Series, 1914. Toronto: The Annual Review Publishing, 1918.
9. List of Officers and Men Serving in the First Canadian Contingent of the British Expeditionary Force, 1914 / compiled by Pay and Record Office, Canadian Contingent, London: S.W., 1914.
10. Michel J. La Participation des Canadiens Frangais a la Grande Guerre, Montreal : Éditions de L'A. C.-F., 1938.
11. Moore W.H. The Cash! A Study in Nationalities, London: Dent, 1918.
12. Morton D. The Headlines of August 1914: the Great War Comes to Canada // Policy Options. February 2005. P. 105–111.
13. Radley K. First Canadian Division, C.E.F., 1914–1918. A thesis submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research in Partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy Department of History Carleton University, Ottawa: Carleton University, 2000.
14. Regulations for the Canadian Medical Service, 1910, Ottawa: Government Printer, 1910.
15. The Canadians, 1867–1967 / ed. by J.M.S. Careless, R.C. Brown, Toronto: Macmillan of Canada, 1967. XIX.

16. Vince D. Development in the Legal Status of the Canadian Military Forces, 1914–19, as Related to Dominion Status / The Canadian Journal of Economics and Political Science. Vol. 20. No. 3. August, 1954. P. 357–370.

Officers and manpower of the 1st Canadian division during the First World War

The article presents a logical continuation of the work devoted to the study of the process of mobilization of the first Canadian volunteer contingent for participation in the First World War. The officers and manpower of the 1st Canadian division by their origin, social and professional status, as well as the medical criteria are under consideration in the article.

Key words: *Canadian history, First World War, the 1st Canadian division, volunteers.*

(Статья поступила в редакцию 05.02.2018)

А.В. КОВАЛЕВ
(Волгоград)

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ

Раскрывается феномен Великой российской революции. Анализируются учебники истории России, рассматриваются подходы к освещению событий 1917 г. в России с точки зрения отбора исторического содержания и его методического сопровождения.

Ключевые слова: *Великая российская революция, ценности, Первая мировая война, Временное правительство, большевики, учебник.*

Феномен революций рассматривается не только историками, он занимает важное место в общественно-политическом дискурсе современной России. Актуализации этой проблемы способствовали и так называемые цветные революции в ряде стран, и 100-летие российской революции 1917 г. Ранее мы обращались к проблемам Французской революции в учебной литературе [3; 4]. В нашей стране были разработаны Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории и Историко-культурный стандарт, в соответствии с которыми происходит обновление школьных учебников по истории России. В данной статье мы обращаемся к двум из них: учебнику О.В. Волобуева, С.П. Карпачева, П.Н. Романова (методический аппарат подготовлен А.Ю. Морозовым и Э.Н. Абдулаевым) и учебнику группы из восьми авторов под редакцией А.В. Торкунова (методический аппарат составлен О.Н. Журавлевой) [1; 2].

В соответствии с Историко-культурным стандартом, в обоих учебниках используется понятие «Великая российская революция», события с февраля по октябрь 1917 г. рассматриваются как единый революционный процесс, что совершенно обоснованно. Февральская и Октябрьская революции связаны между собой, и авторы эту связь последовательно аргументируют.

Учебники затрагивают вопрос о причинах революции 1917 г. Авторы видят их в глубоких социальных, экономических и политических противоречиях российского общества, которые резко обострила Первая мировая война. Тем не менее именно она рассматривается авторами как основная причина революционного кризиса. Такой вывод очевидно напрашивается при прочтении представленного материала, ведь Первой мировой войне уделяется значительное внимание. Однако причины все же коренятся гораздо глубже, о них в контексте революционного кризиса следует говорить четко, тем более что О.В. Волобуев и соавторы именно в этом и видят причину краха монархии [1, с. 28]. При этом, правда, авторы предлагают школьникам ответить на вопрос о том, чем являлась Февральская революция – «заговором, переворотом или народным восстанием» [Там же, с. 31]. Сами по себе вопросы – важная составная часть методического аппарата учебника, побуждающая формировать личное отношение школьников к изучаемым событиям, явлениям, процессам, формировать их ценностные ориентиры. Формулировка вопроса представляется неудачной, т. к. сами авторы используют понятие «революция», а в названии соответствующего параграфа прямо указано понятие «народное восстание» [Там же, с. 23].

© Ковалев А.В., 2018